

НЕТЕРПИМОСТЬ К НЕОДНОЗНАЧНОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АДАПТАЦИИ КРАТКОЙ ШКАЛЫ НЕТЕРПИМОСТИ К НЕОДНОЗНАЧНОСТИ (SAIS-7) НА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЫБОРКЕ

Е.В. ЗАБЕЛИНА^а, А.А. ДАНИЛОВА^а, И. ПЕДОВИЧ^б, Н. ЧИРОВИЧ^б

^а Челябинский государственный университет, 454001, Российская Федерация, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129

^б Нишский университет, 18105, Сербия, Ниш, ул. Кирилла и Мефодия, д. 2

Ambiguity Intolerance: Results of an Adaptation of the Short Ambiguity Intolerance Scale (SAIS-7) on a Russian Sample

E.V. Zabelina^a, A.A. Danilova^a, I. Pedović^b, N. Ćirović^b

^а Chelyabinsk State University, 129 Bratyev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

^б University of Niš, 2 Ćirila i Metodija, Niš, 18105, Serbia

Резюме

Нетерпимость к неоднозначности (ambiguity intolerance) — относительно новый психологический феномен, проявляющий актуальность в условиях неустойчивости современного мира. Нетерпимость к неоднозначности, которую часто не отличают от нетерпимости к неопределенности, отражает тенденцию негативно реагировать на двусмысленные ситуации. Это проявляется в черно-белом мышлении на когнитивном уровне, тревоге и дискомфорте на эмоциональном уровне, а также в избегании таких ситуаций на поведенческом уровне. Настоящее исследование призвано восполнить имеющийся пробел в части методической разработки этого феномена в российском контексте. Целью стали выявление психометрических характеристик и адап-

Abstract

Ambiguity intolerance is a relatively new psychological phenomenon, which manifests its relevance in the conditions of instability of the modern world. Intolerance to ambiguity that is often not distinguished with the intolerance to uncertainty, refers to an individual's predisposition to react adversely to ambiguous situations. This tendency manifests across three domains: cognitively, through dichotomous (black-and-white) thinking; affectively, through experiences of anxiety and discomfort; and behaviorally, through the avoidance of ambiguous scenarios. This study aims to fill the existing gap in methodological development of this

тация Краткой шкалы нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7) на российской выборке. В исследовании приняли участие 2709 респондентов в возрасте от 18 до 87 лет ($M = 34.27$; $SD = 14.73$) с различными социально-демографическими характеристиками. Конфирматорный факторный анализ констатировал итоговую (апостериорную) модель шкалы нетерпимости к неоднозначности, имеющую однофакторную структуру, индексы согласия в которой наилучшим образом удовлетворяют исходным данным после добавления связей между ошибками переменных: $CMIN = 100.909$; $df = 12$; $p = 0.000$; $GFI = 0.974$; $CFI = 0.990$; $RMSEA = 0.052$; $P_{close} = 0.325$. Результаты исследования позволяют констатировать приемлемые показатели внутренней надежности и конвергентной валидности. Выявленные закономерности свидетельствуют в пользу того, что Краткая шкала нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7) является надежным и валидным инструментом, расширяющим возможности проведения эмпирических исследований конструкта нетерпимости к неоднозначности, в том числе в кросс-культурном дизайне

Ключевые слова: неоднозначность, неопределенность, нетерпимость к неоднозначности, толерантность к неопределенности, VUCA, краткая шкала нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7).

Забелина Екатерина Вячеславовна — профессор, кафедра психологии, Институт образования и практической психологии, Челябинский государственный университет, доктор психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: общая и социальная психология, экономическое поведение

phenomenon in the Russian context. The aim was to identify psychometric characteristics and adapt the Short Ambiguity Intolerance Scale (SAIS-7) on a Russian sample. The study involved 2,709 respondents aged between 18 and 87 years ($M = 34.27$, $SD = 14.73$) with different sociodemographic characteristics. Confirmatory factor analysis found the final (ex post) model of the scale, having a single-factor structure in which the indices of consent best meet the original data after adding links between errors of variables: $CMIN = 100.909$; $df = 12$; $p = .000$; $GFI = .974$; $CFI = .990$; $RMSEA = .052$; $P_{close} = .325$. The results of the study allow us to establish acceptable indicators of the internal reliability and convergence. The identified patterns support that the Short Ambiguity Intolerance Scale (SAIS-7) is a reliable and robust tool, extending the scope for empirical studies on the intolerance to ambiguity, including cross-cultural design.

Keywords: ambiguity, uncertainty, ambiguity intolerance, tolerance to uncertainty, VUCA, short scale of ambiguity intolerance (SAIS-7).

Ekaterina V. Zabelina — Professor, Department of Psychology, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University, DSc in Psychology, Associate Professor. Research Area: general and social psychology, economic behavior, psychology of time, ecological consciousness,

ние, психология времени, экологическое сознание, когнитивные процессы.

Контакты: katya_k@mail.ru

Данилова Анастасия Анатольевна — доцент, кафедра психологии, Институт образования и практической психологии, Челябинский государственный университет, кандидат педагогических наук.

Сфера научных интересов: социальная и организационная психология, психология благополучия.

Контакты: ensti1988@mail.ru

Anastasia A. Danilova — Associate Professor, Department of Psychology, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University, PhD in Pedagogical Sciences.

Research Area: social and organizational psychology, psychology of well-being.

E-mail: ensti1988@mail.ru

Педович Ивана — профессор, кафедра психологии, философский факультет, Нишский университет (Сербия), доктор психологии.

Сфера научных интересов: социальная психология, эмоциональные процессы, социальное поведение и активизм, когнитивная психология.

Контакты: ivana.pedovic@filfak.ni.ac.rs

Ivana Pedović — Professor, Department of Psychology, Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia), DSc in Psychology.

Research Area: social psychology, emotional processes, social behavior and activism, cognitive psychology.

E-mail: ivana.pedovic@filfak.ni.ac.rs

Чирович Никола — ассистент преподавателя, кафедра психологии, философский факультет, Нишский университет (Сербия), магистр психологии.

Сфера научных интересов: социальная психология, социальное поведение и активизм, когнитивная психология, культурные ценности.

Контакты: ivana.pedovic@filfak.ni.ac.rs

Nikola Ćirović — Teaching Assistant, Department of Psychology, Faculty of Philosophy, University of Niš (Serbia), MSc in Psychology. Research

Area: social psychology, social behavior and activism, cognitive psychology, cultural values.

E-mail: ivana.pedovic@filfak.ni.ac.rs

Неоднозначность (двузначность) является неотъемлемой частью современного общества. Технологическое развитие, с одной стороны, направлено на формирование комфортного и безопасного мира, но с другой – увеличивает объем информации и изменчивость окружающей среды, что усложняет ситуацию выбора. Характеризуя современный мир, исследователи описывают его через аббревиатуру VUCA: «нестабильность», «неопределённость», «сложность»

и «двойственность» (De Schauer, 2022; Baran & Woznyj, 2021). Реалии современного мира, такие как социально-экономические трансформации и террористические угрозы (Беннетт и Лемуэн, 2014), развитие информационных технологий, политическая нестабильность (Troise и др., 2022) и новые биологические и экологические угрозы (Нода, 2020) способствуют росту неоднозначности. Характеристики VUCA мира влияют на психологические аспекты общества, создавая когнитивное и эмоциональное напряжение (De Schauer, 2022; Luthans & Broad, 2022). В целом, современные реалии заставляют людей думать и действовать эффективно в условиях неоднозначности.

Эффективное управление неоднозначностью требует гибкости, способности справляться с кризисными ситуациями и стрессом (Baran & Woznyj, 2021). Перспективным подходом к этой проблеме видится ее рассмотрение через призму концепции толерантности / нетерпимости к неоднозначности (двусмысленности). Впервые это явление, как отношение к изменяющейся, вероятностной и противоречивой ситуации, было представлено Е. Франкель-Брунсвёком (1948). Автор делает вывод о том, что толерантность/нетерпимость к двусмысленности как личностной переменной проявляется в поведенческих и личностных характеристиках (Isaeva & Mamatova, 2021). Можно сказать, что нетерпимость к неоднозначности отражает склонность негативно реагировать на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях на неоднозначность ситуаций и событий (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023b, с. 657). Когнитивные реакции при этом включают склонность человека воспринимать неоднозначную ситуацию строго в «черном или белом свете»; эмоциональные реакции выражаются в дискомфорте, обиде, злости и тревоге, и поведенческие реакции указывают на отказ или избегание двусмысленной ситуации (Grenier et al., 2005).

Вопрос о концептуальной природе нетерпимости к неоднозначности остается открытым. Согласно первому подходу, нетерпимость к двусмысленности рассматривается как обобщённая черта личности. Это устойчивая тенденция реагировать на воспринимаемую неоднозначность с большей или меньшей интенсивностью, распределённая в генеральной совокупности (Carleton, 2016; McLain и др., 2015; Kornilova & Chumakova, 2014). Представители второго подхода склонны видеть в этом феномене определённую стратегию реализации жизни, определяемую окружающими условиями (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023a; Ladouceur et al., 2000). На наш взгляд, эти подходы не противоречат друг другу. Согласно теории компенсирующего контроля, люди нетерпимо относятся к неоднозначности, потому что она представляет собой отсутствие структуры и лишает их способности чувствовать себя хозяевами своей жизни (Ma & Kay, 2017). Это, в свою очередь, формирует определённую стратегию взаимодействия человека с миром (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023a). Таким образом, это позволяет рассматривать неприятие неоднозначности как личную характеристику в ответ на внешние вызовы.

Неоднозначность и неопределённость: проблема разграничения понятий

Для того чтобы раскрыть феноменологию нетерпимости к неоднозначности, стоит принять во внимание существование схожих, но не идентичных понятий, которые часто используются как взаимозаменяемые. Действительно, существует проблема разграничения понятий «нетерпимость к неоднозначности» и «нетерпимость к неопределенности». Эта проблема особенно остро проявляется в российской научной литературе. Например, в исследовании Корниловой и Чумаковой (2014) конструкция «толерантность к неопределенности» описывается через призму методологических подходов Франкеля-Брунсвика и Баднера, раскрывая по сути толерантность к неоднозначности. Аналогичная ситуация наблюдается и в работах, посвященных изучению проблемы диагностики толерантности к неопределенности, где рассматриваются методы диагностики толерантности к неоднозначности (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023b). Вероятно, это связано с тем, что данная терминология впервые появилась в англоязычных научных исследованиях и может рассматриваться как проблема перевода. Действительно, доступные переводчики, такие как Гугл или Яндекс, часто переводят «неоднозначность» и «неопределённость» одинаково – как «неопределённость».

В зарубежной научной литературе проблема смешения понятий встречается в более ранних исследованиях (например, Geller et al., 1993; Majid & Pragasam, 1997), где неоднозначность и неопределённость рассматриваются как взаимозаменяемые на основе ряда схожих характеристик. Во-первых, оба явления являются когнитивными фильтрами, через которые люди воспринимают окружающую среду как источник угрозы. Во-вторых, они оба включают тенденцию реагировать негативно, что отражается в эмоциях, когнициях и поведении в неопределённых или неоднозначных ситуациях (Rosen et al., 2014).

Недавние исследования стремятся доказать различия этих конструкций как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне (Zvolensky et al., 2010; Grenier et al., 2005). В работе Грениера и его коллег (Grenier et al., 2005) попытка различить эти явления делается с точки зрения временной перспективы. Авторы отмечают, что люди, проявляющие нетерпимость к неоднозначности, не могут выдерживать ситуацию «здесь и сейчас» (источник угрозы – это настоящая ситуация). С другой стороны, нетерпимость к неопределенности относится к непредсказуемому компоненту, ориентированному на будущее (источником угрозы являются будущие ситуации). В поддержку этого утверждения было установлено, что нетерпимость к неопределенности играет ключевую роль в формировании тревоги, которая обычно сосредоточена на ожидании будущих негативных последствий (Birrell et al., 2011). В 2007 году была предпринята попытка эмпирически доказать гипотезу Грениера о временной ориентации различий конструкций. Хотя некоторые тенденции были обнаружены между нетерпимостью к неопределенности и ориентацией на будущее, авторы не нашли поддержки этой гипотезы (Rosen et al., 2014).

В ряде исследований неопределённость и неоднозначность различаются в зависимости от вероятности результата (например, Chen & Lovibond, 2016; Kirschner et al., 2016). Неопределённость относится к ситуации, когда результат неизвестен, но вероятность результата известна, в то время как неоднозначность определяется как неопределённость более высокого порядка, то есть полное незнание результата (Chen & Lovibond, 2016; Kirschner et al., 2016). В экспериментальном исследовании (Kirschner et al., 2016), было установлено, что манипулирование только неопределенностью ситуации не выявило различий между пациентами с тревожным расстройством и контрольной группой, что противоречит большому количеству исследований. Вместе с тем, благодаря введению дополнительных стимулов неоднозначности, удалось выявить различия между группами людей с высокой и низкой степенью тревожности (там же). Ученые пришли к выводу, что нетерпимость к неопределенности связана с повышенной оценкой угрозы и негативным влиянием в условиях неоднозначности, а не неопределенности (Chen & Lovibond, 2016). Неоднозначность (двусмысленность) в данном случае является особенно мощным триггером для искаженной оценки угрозы и негативного влияния, скрытого в неопределённости. Представленные данные ясно указывают на необходимость разделения понятий неопределенности и неоднозначности как на терминологическом, так и на концептуальном уровне.

В контексте данного исследования неоднозначность понимается как субъективное восприятие отсутствия (Frisch & Baron, 1988) или противоречивой информации (Trautmann & Van De Kuilen, 2015), а нетерпимость к неоднозначности рассматривается как спонтанная тенденция интерпретировать воспринимаемую двойственность как угрожающую и/или неприятную (например, Budner, 1962). В отличие от неопределённости, неоднозначность не подразумевает новую, неизвестную ситуацию или сложную задачу (Pedović et al., 2022). С учетом вышеизложенного, существует растущая необходимость в поиске адекватных способов измерения нетерпимости к неоднозначности, в том числе, в адаптации имеющихся методических инструментов для различных культурных групп. Цель данной работы – выявить психометрические характеристики краткой шкалы нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7) на русской выборке.

Инструменты измерения неприятия неоднозначности

Наиболее распространённым методом оценки нетерпимости к неоднозначности в настоящее время являются анкеты, но набор инструментов, адаптированных к российской выборке, в значительной степени ограничен. Наиболее часто используемые методы: MAT-50 (R. Norton, 1962), шкала Баднера (S. Budner, 1962) и MSTAT-1 (D. McLane, 1993).

Среди основных методик – Measurement of Ambiguity Tolerance (MAT-50), разработанный в 1975 году. Эта шкала довольно объемна, состоит из 50 бинарных пунктов, таких как: «Обычно чем более четко определены правила в обществе, тем лучше» или «Я переживаю, когда не знаю, как на меня реагируют не-

знакомцы» (Grenier et al., 2005). В 2022 году эта методика была адаптирована на русскоязычной выборке. В результате конфирматорного факторного анализа не удалось подтвердить исходную восьмифакторную модель опросника. Были выявлены семь факторов, отражающих уровень толерантности к неоднозначности в различных сферах жизни (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023a).

Одним из наиболее часто используемых инструментов в исследовании неоднозначности является шкала толерантности к неопределённости (Budner, 1962), популярность которой может быть объяснена ее краткостью – она состоит из 16 (12) пунктов (Rosen и др., 2014; Grenier et al., 2005). Каждый пункт относится к одному из четырёх типов двойственных ситуаций: (1) оценка разнообразия других (например, «Я избегаю среды, в которой люди не разделяют моих ценностей»); (2) изменение (например, «Чем дальше, тем все более схожи наши ценности и идеалы»); (3) сложные перспективы (например, «Я бы хотел какое-то время жить в другой стране»); и (4) неизвестность (например, «Я люблю окружаться тем, что знаю») (Rosen et al., 2014). Методология была изначально разработана для оценки терпимости/нетерпимости к неоднозначности как двух полюсов одной шкалы. Однако, как отмечают Корнилова и Чумакова (Kornilova, Chumakova, 2014), в современных исследованиях шкала чаще используется как измерение толерантности к неопределённости, что может привести к неожиданным результатам, которые трудно интерпретировать. Кроме того, методика не дает надежной статистической поддержки: она показывает большое разнообразие структуры факторов и, соответственно, разнообразие интерпретаций результатов по различным культурным группам (там же).

Относительно недавно, МакЛейн предложил методику Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance-1, 1993 (MSTAT-1). Толерантность к неоднозначности рассматривается здесь как диапазон реакций, от отрицания до привлекательности, при восприятии неизвестного, сложного, динамически неопределенного или противоречивого толкования стимулов (Kondrashikhina, 2015, с. 84). Первая адаптация анкеты на русской выборке произошла в 1998 году в работе Луковицкой, затем в 2010 году в работе Осина (Osin, 2010). Опрос выявил группы однородных элементов, образующих пять подшкал: отношение к новизне, отношение к сложным задачам, отношение к неопределённым ситуациям, предпочтение неопределённости и терпимость/избегание неопределённости. Таким образом, здесь мы видим методологическую проблему отсутствия различий между терминами, которые могут привести к выводу о том, что вопросник направлен на выявление толерантности к неопределённости, а не к неоднозначности.

Использование англоязычных опросников для оценки нетерпимости к неоднозначности вызывает определенные сомнения. Существует очевидная необходимость в комплексном и надежном психодиагностическом инструменте, который характеризуется краткостью и низкой вариативностью факторов. Наше внимание было привлечено к Краткой шкале нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7), предложенной сербскими учеными в 2022 году (Pedović et al., 2022). Данная шкала, несмотря на ее краткость, охватывает широкий спектр поведен-

ческих характеристик, которые можно охарактеризовать как нетерпимость к неоднозначности (двусмысленности). Учитывая, что эмпирические исследования в целом не показывают сильную поддержку многомерности конструкта нетерпимости к неоднозначности, преимуществом этой шкалы является ее одномерность. Проверка SAIS-7 проводилась на четырех разных языках (сербском, болгарском, английском и греческом) и показала хорошие результаты по надежности, размерности, инвариантности измерения, а также достаточную конвергентную, внешнюю и прогностную валидность шкалы (там же).

Метод и процедура

Сначала утверждения опросника были переведены с английского языка на русский. Для обеспечения надежных результатов функциональная эквивалентность русской и английской версий шкалы нетерпимости к неопределённости была установлена с использованием метода прямого и обратного перевода (Brislin, 1986). Изначально на русский переводились 7 утверждений, отражающих аспекты неоднозначности (приложение). Затем эксперты в области лингвистики и перевода оценили эти определения на предмет точности. Все утверждения были затем вновь переведены на английский язык, чтобы проверить сохранность их первоначального смысла.

Кроме того, в исследовании использовались следующие методы: MSTAT-I (адаптация Луковицкой, 1988), TIPI-RU К. (С. Gosling, P. Rentfrou and V. Svochnna) (Sergeeva, Kirillov, & Dzhumagulova, 2016), Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (Osin & Leontiev, 2020). В целях мониторинга социально-демографических переменных были собраны справочные данные: пол, возраст, место жительства, уровень образования, семейное положение, религиозность, субъективный уровень дохода.

Выборка

Сбор данных проходил с 1 декабря 2024 года по 31 января 2025 года. Подготовленный вопросник был размещен в электронной форме на сайте <https://science.dobro.ru>, где была сформулирована подробная инструкция по его заполнению для волонтеров науки. Также была представлена форма обратной связи, в которой любой участник мог задавать вопросы исследователям.

После процедуры очистки данных было зафиксировано 2709 надежных ответов. Возраст респондентов варьировался от 18 до 87 лет ($M = 34,27$, $Б = 14,73$). Распределение по полу: 41,4 % мужчин, 58,6 % женщин. Большая часть выборки (44,9%) проживает в городах с населением менее одного миллиона человек, почти такое же количество проживает в миллионниках (15,6%) и мультимиллионниках, таких как Москва и Санкт-Петербург (15,9%), 23,4% респондентов живут в небольших городах (селах). Распределение по субъективному уровню дохода: 45,9% респондентов указывают средний доход, 19,4% считают

свой уровень дохода ниже среднего, 19,6% - выше среднего, 8,5% говорят, что их уровень дохода высокий, а 6,3% респондентов считают свой доход низким. 42 % респондентов имеют высшее образование, 17,2 % - незаконченное высшее образование, 22,7 % имеют среднее профессиональное образование и 18,1 % имеют полное общее образование. 45 % респондентов состоят в браке, 40 % упоминают о своем статусе неженатых/незамужних, 13,4 % - разведены, 1,3 % овдовели, 0,4 % респондентов указали, что они состоят в отношениях (брак не зарегистрирован). Распределение по уровню религиозности: 30,2% респондентов признают существование высших сил, 12,7% говорят, что они атеисты, 16,1% - не заботятся о религии, 28,1% называют себя верующими, 12,9% согласны с утверждением «Я верую и стараюсь соблюдать обряды своей религии».

Результаты

На первом этапе обработки результатов рассчитывалась описательная статистика по пунктам (таблица 1).

Таблица 1

Описательная статистика по краткой шкале нетерпимости к неоднозначности

Statements	M	Б	kurtosis	skewness
S1. I dislike questions which could be answered correctly in many different ways	3.12	1.311	-1.015	-.162
S2. Poems with contradictions are annoying	3.06	1.356	-1.142	-.118
S3. I like stories that have consistent	3.57	1.125	-.481	-.421
S4. Vague and impressionistic pictures really have little appeal for me	3.24	1.297	-.947	-.238
S5. I don't like to work on a problem unless there's a possibility of coming out with a clear-cut answer	3.30	1.244	-.860	-.260
S6. It's annoying to listen to someone who cannot seem to make up his or her mind	3.50	1.192	-.565	-.459
S7. I hate it when you can't solve a problem right away	3.45	1.194	-.630	-.412

Результаты описательной статистики фиксировали значения стандартного отклонения, эксцесса и асимметрии в пределах 1 по модулю, что позволяет предположить небольшое отклонение от нормального распределения. Все элементы шкалы положительно коррелируют друг с другом (таблица 2).

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа пунктов шкалы

	S1	S2	S3	S4	S5	S6	S7
S1	1						
S2	.492**	1					
S3	.274**	.249**	1				
S4	.382**	.440**	.211**	1			
S5	.404**	.320**	.252**	.334**	1		
S6	.235**	.258**	.209**	.283**	.258**	1	
S7	.264**	.260**	.209**	.243**	.342**	.335**	1

Примечание. ** $p \leq .001$

Затем был проведён эксплораторный факторный анализ (таблица 3) с использованием метода максимального правдоподобия для определения внутренней структуры шкалы (КМО = 0,820; Хи-квадрат = 3426,025, $p = 0,000$).

Таблица 3

Результаты эксплораторного факторного анализа

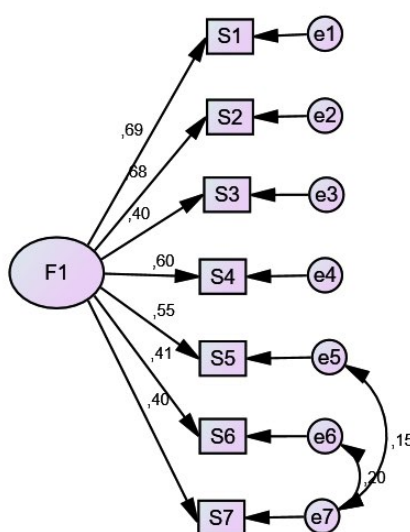
№	Утверждения	Факторные нагрузки
S1	Мне не нравятся вопросы, на которые можно ответить правильно разными способами	.669
S2	Меня раздражают двусмысленные стихотворения	.659
S3	Мне нравятся рассказы, в которых герои действуют последовательно	.405
S4	Мне не нравятся размытые, импрессионистские картины	.597
S5	Мне не нравится работать над задачей, если нет возможности прийти к точно определенному решению	.575
S6	Меня раздражают люди, которые никак не могут сделать выбор	.442
S7	Ненавижу, когда не получается решить проблему сразу	.466
	Процент объяснимой дисперсии	30.65

Результаты факторного анализа показывают, что дисперсия всех элементов является единственным фактором с невысокими, но значительными нагрузками ($>0,4$). Таким образом, содержание всех утверждений отражает одну латентную конструкцию.

Кроме того, для проверки факторной структуры шкалы был использован факторный анализ с одним латентным фактором для всех семи переменных.

Модель была протестирована с помощью модуля AMOS SPSS и продемонстрировала удовлетворительное соответствие оригинальным данным: CMIN = 239,717; $df = 14$; $p = 0,000$; GFI = 0,974; CFI = 0,935; RMSEA = 0,077; $P_{close} = 0,000$. После улучшения модели, а именно добавления связей между ошибками переменных 6 и 7, 5 и 7 (рис. 1), параметры модели были еще лучше (рис. 1): CMIN = 100,909; $df = 12$; $p = 0,000$; GFI = 0,974; CFI = 0,990; RMSEA = 0,052; $P_{close} = 0,325$.

Рисунок 1

Модель шкалы нетерпимости к неоднозначности

CMIN=100,909; $df=12$; $p=,000$; CFI=,974; RMSEA=,052; GFI=,990; $P_{close}=,325$

Корреляции между переменными в модели и латентным фактором, а также между ошибками переменных находятся на высоком уровне значимости (таблица 4).

Таблица 4

Коэффициенты регрессии модели: результаты конфирматорного факторного анализа

			Estimate	S.E.	C.R.	P
S2	<---	F1	1.024	.039	26.447	***
S3	<---	F1	.499	.029	17.297	***
S4	<---	F1	.869	.035	24.504	***
S5	<---	F1	.760	.033	22.738	***
S6	<---	F1	.540	.031	17.592	***
S7	<---	F1	.534	.031	17.065	***
S1	<---	F1	1.000			

Примечание.: *** $p \leq .0001$

Следующий этап исследования заключался в проверке надежности шкалы. Результаты показали приемлемый уровень надежности: альфа Кронбаха = 0,748, ни один из пунктов при удалении не улучшал значительно надежность шкалы.

Затем, для проверки конвергентной валидности, был проведен корреляционный анализ с показателями удовлетворенности жизнью, терпимости к неопределённости и личностных черт (Big Five). Анализ показывает признаки конвергентной валидности шкалы на российском выборке. Об этом свидетельствуют корреляции со всеми шкалами MSTAT-I и особенно сильные – с итоговой субшкалой толерантности к неопределенности. Нетерпимость к неоднозначности негативно связана с положительным отношением к новому ($r = -.130$, $p = .000$), сложным задачам ($r = -.321$, $p = .000$) и неопределённым ситуациям ($r = -.332$, $p = .000$), а также с предпочтением неопределенности ($r = -.137$, $p = .000$) и терпимостью к неопределённости ($r = -.439$, $p = .000$).

Анализ корреляций с шкалами Большой пятерки (TIPI-RU) показал прямую связь с эмоциональной стабильностью ($r = .064$, $p = .001$) и обратную – с открытостью к новым впечатлениям ($r = .096$, $p = .000$). Этот результат предполагает относительно стабильную психологическую природу нетерпимости к неоднозначности (двусмысленности) и позволяет рассматривать её как личную черту.

Были обнаружены слабые значимые связи с уровнем субъективного дохода и удовлетворенности жизнью. Потребность в простоте и ясности более выражена у респондентов, которые больше удовлетворены своей материальной ситуацией ($r = .097$, $p = .000$) и более довольны своей жизнью в целом ($r = .049$, $p = .011$).

Затем мы попытались определить место этого феномена среди социально-демографических переменных. С этой целью был проведён сравнительный анализ нетерпимости к неоднозначности среди респондентов различного пола, разного семейного статуса, проживающих в разных городах. Кроме того, был проведен анализ корреляций с возрастом, уровнем образования и религиозности. Анализ не выявил различий в нетерпимости к неоднозначности между мужчинами и женщинами ($p = ,96$) или между людьми с разными уровнями религиозности ($p = ,876$). Также было установлено, что уровень нетерпимости к двусмысленности не отличается между людьми, живущими в разных по размеру населённых пунктах ($p = ,25$).

Были выявлены различия в нетерпимости к неоднозначности среди людей с разным семейным статусом ($F = 10\,295$, $p = ,000$). Наименьшая нетерпимость к двусмысленности была обнаружена у респондентов, которые состояли в незарегистрированном браке ($M = 2,95$), за которыми следовали люди, не состоящие в браке ($M = 3,20$), затем – люди в браке ($3,38$). Наивысший уровень нетерпимости к неоднозначности зафиксирован у тех, кто потерял супруга (разведенные $M = 3,44$ и вдовы $M = 3,35$). Нетерпимость к двусмысленности значительно выше у тех, кто женат, чем у незамужних/незамужних ($p = ,000$). Люди, которые разведены, значительно более нетерпимы к двусмысленности, чем те, кто не женат / не замужем ($p = ,000$). Однако следует учитывать, что сравниваемые группы неравномерны по объему, и данные должны быть проверены в дополнительных исследованиях. Тем не менее, эти факты позволяют рассматривать исследуемое явление как во многом связанное с социальным опытом.

Корреляция с возрастом ($r = ,118$, $p = ,000$) также поддерживает это объяснение. Чем старше становится человек, тем больше он или она нетерпим к неоднозначной информации, двусмысленным отношениям и поведению. Это может быть объяснено уменьшением гибкости мышления с возрастом, что затрудняет адаптацию к двусмысленности окружающего мира и диктует необходимость в простоте и однозначности. С другой стороны, существует слабая значимая связь с уровнем образования ($r = ,060$, $p = ,000$): у респондентов с более высоким образовательным уровнем уровень нетерпимости к неоднозначности выше. Эти противоречия подчеркивают необходимость изучения этого явления в контексте когнитивных и метакогнитивных образований.

Обсуждение результатов

Резюмируя результаты психометрической проверки данных по краткой шкале нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7) на российской выборке, можно констатировать ее надежность, а также валидность полученных данных. Факторный анализ подтверждает адекватность однофакторной структуры SAIS-7 на выборке россиян. Шкала также показала удовлетворительные значения коэффициента альфа Кронбаха, что указывает на внутреннюю надежность диагностического инструмента.

Конвергентная валидность подтверждается наличием негативных корреляций с положительным отношением к новым, сложным задачам и неопределённым ситуациям, а также с предпочтением неопределённости и терпимостью к неопределённости. Эти данные указывают на то, что неприятие неоднозначности и нетерпимость к неопределённости формируются и проявляются как очень близкие явления. В то же время тот факт, что люди с более высоким социально-экономическим статусом и более удовлетворенные жизнью демонстрируют большую нетерпимость к двусмысленности (в отличие от неопределённости - Osin, 2010), косвенно указывает на определённые различия в их влиянии на личность. Кроме того, эти различия можно объяснить изменениями социально-экономической и геополитической ситуации в мире, увеличением противоречивой и ложной информации, в том числе из-за развития технологий искусственного интеллекта. Этот результат, который противоречит некоторым теоретическим и эмпирическим данным, актуализирует дальнейшие исследования и дискуссии о взаимосвязях между неопределённостью и неоднозначностью (Zvolensky et al., 2010; Grenier et al., 2005; Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023a).

Результаты корреляционного анализа поддерживают идею о неприятии двусмысленности как черте личности (Carleton, 2016; McLain и др., 2015), возникающей в социальной среде. В частности, связи с эмоциональной стабильностью, открытостью к новым впечатлениям (негативно) (Jach & Smillie, 2019), удовлетворённостью материальным статусом и жизнью в целом (Strout et al., 2018), а также связь с семейным статусом, возрастом (Abe, 2018) и образованием (DeForge & Sobal, 1989) свидетельствуют в поддержку этой концепции.

С другой стороны, полученные данные открывают возможность рассматривать феномен нетерпимости к неоднозначности как сформированную когнитивную стратегию (Гренье и др., 2005) - способ отбора и структурирования информации, которая затем формирует стратегию отношения к реальности. (Zlobina & Krasnoryadtseva, 2023a; Ladouceur и др., 2000). Выводы о том, что нетерпимость к двусмысленности увеличивается с возрастом и более высоким уровнем образования, указывают на необходимость дальнейших исследований этого феномена в контексте когнитивных и метакогнитивных явлений. Вероятно, избыток информации со временем может вызвать сопротивление размытой и неоднозначной реальности, усиливая нетерпимость к неоднозначности.

Следует обратить внимание на социально-демографические характеристики нетерпимости к неоднозначности. Показатели SAIS-7 различаются в зависимости от семейного положения, возраста и уровня образования, что соответствует научным данным и подтверждает пригодность методики для работы с различными социально-демографическими группами (Pedović et al., 2022). Различия в нетерпимости к неоднозначности по таким характеристикам, как пол, место жительства, религиозность, не были найдены. Этот факт может указывать на существование культурных особенностей нетерпимости к двусмысленности. Например, в сравнении с россиянами в выборке населения Греции были обнаружены гендерные различия: у женщин был более высокий уровень нетерпимо-

сти к неоднозначности, чем у мужчин, что авторы связывают с более высокими показателями восприятием угрозы у женщин (Parlapani и др., 2020). Австрийско-немецкое исследование англоязычной выборки показало, что размышления о религии, вызванные семантическим и контекстным праймингом, усиливают нетерпимость участников к двусмысленности (Sagioglou & Forstmann, 2013), чего в данном исследовании не обнаружено. Австралийская выборка показывает различия в уровне нетерпимости к неоднозначности среди городских и сельских жителей: последние демонстрируют более высокий уровень толерантности к двусмысленности и меньший уровень беспокойства по поводу ошибок (Eley et al., 2017). Таким образом, исследование высвечивает проблему межкультурных различий данного феномена, и адаптированная на русской выборке шкала может помочь в этом.

Ограничения исследования можно связать с недостаточной репрезентативностью выборки и форматом удаленного сбора данных, что могло привести к ошибкам в статистических расчетах. В будущих исследованиях теоретическое обоснование нетерпимости к неоднозначности должно быть доработано и более четко отделено от связанных с ней явлений, таких как нетерпимость к неопределённости.

Заключение

Данное исследование является доказательством надежности и валидности русской версии краткой шкалы нетерпимости к неоднозначности (SAIS-7), что позволяет ее рекомендовать как инструмент исследования. Результаты расширяют психодиагностическую базу и способствуют развитию демографических и межкультурных исследований по проблеме нетерпимости к неоднозначности, а также поднять вопрос о необходимости дальнейших исследований сходств и различий в явлениях двусмысленности и неопределённости в психологии.

References

- Abe, J. A. A. (2018). Personality, well-being, and cognitive-affective styles: A cross-sectional study of adult third culture kids. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 49(5), 811–830. <https://doi.org/10.1177/0022022118761116>
- Baran, B. E., & Woznyj, H. M. (2021). Managing VUCA: The human dynamics of agility. *Organizational Dynamics*, 50(2), Article 100787. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2020.100787>
- Bennett, N., & Lemoine, G. J. (2014). What VUCA really means for you. *Harvard Business Review*, 92(1/2). <https://www.semanticscholar.org/paper/What-VUCA-really-means-for-you-Bennett-Lemoine/04424e05aaa7e7f6ffb57ad7394b667bde62ffce>
- Birrell, J., Meares, K., Wilkinson, A., & Freeston, M. (2011). Toward a definition of intolerance of uncertainty: A review of factor analytical studies of the Intolerance of Uncer-

- tainty Scale. *Clinical Psychology Review*, 31, 1198–1208. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2011.07.009>
- Brislin, R. W. (1986). The wording and translation of research instruments. In W. J. Lonner & J. W. Berry (Eds.), *Field methods in cross-cultural psychology* (pp. 137–164). Sage Publications.
- Budner, S. (1962). Intolerance of ambiguity as a personality variable. *Journal of Personality*, 30(1), 29–50. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1962.tb02303.x>
- Carleton, R. N. (2016). Fear of the unknown: One fear to rule them all? *Journal of Anxiety Disorders*, 41, 5–21. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2016.03.011>
- Chen, J. T., & Lovibond, P. F. (2016). Intolerance of uncertainty is associated with increased threat appraisal and negative affect under ambiguity but not uncertainty. *Behavior Therapy*, 47(1), 42–53. <https://doi.org/10.1016/j.beth.2015.09.004>
- DeForge, B. R., & Sobal, J. (1989). Intolerance of ambiguity in students entering medical school. *Social Science & Medicine*, 28(8), 869–874. [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(89\)90117-2](https://doi.org/10.1016/0277-9536(89)90117-2)
- De Schauer, O. (2022). Uncertainty as a characteristic of the modern world: Managerial aspect. *Universum: Economics and Jurisprudence*, 6(93), 17–27. <https://doi.org/10.32743/UniLaw.2022.93.6.13733> (in Russian)
- Eley, D. S., Leung, J. K., Campbell, N., & Cloninger, C. R. (2017). Tolerance of ambiguity, perfectionism and resilience are associated with personality profiles of medical students oriented to rural practice. *Medical Teacher*, 39(5), 512–519. <https://doi.org/10.1080/0142159X.2017.1297530>
- Frenkel-Brunswick, E. (1948). Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. *Journal of Personality*, 18(1), 108–123. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1949.tb01236.x>
- Frisch, D., & Baron, J. (1988). Ambiguity and rationality. *Journal of Behavioral Decision Making*, 1(3), 149–157. <https://doi.org/10.1002/bdm.3960010303>
- Geller, G., Tambor, E. S., Chase, G. A., & Holtzman, N. A. (1993). Measuring physicians' tolerance for ambiguity and its relationship to their reported practices regarding genetic testing. *Medical Care*, 31(11), 989–1001. <https://doi.org/10.1097/00005650-199311000-00002>
- Grenier, S., Barrette, A., & Ladouceur, R. (2005). Intolerance of uncertainty and intolerance of ambiguity: Similarities and differences. *Personality and Individual Differences*, 39(3), 593–600. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2005.02.014>
- Isaeva, N. I., & Mamatova, S. I. (2021). *Tolerantnost' k neopredelennosti i kreativnost': obzor zarubezhnykh korrelyatsionnykh issledovaniy* [Tolerance for uncertainty and creativity: A review of foreign correlation studies]. *Tendentsii Razvitiya Nauki i Obrazovaniya*, 5(69), 102–109. <https://doi.org/10.18411/lj-01-2021-196>
- Jach, H. K., & Smillie, L. D. (2019). To fear or fly to the unknown: Tolerance for ambiguity and Big Five personality traits. *Journal of Research in Personality*, 79, 67–78. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2019.02.003>
- Kirschner, H., Hilbert, K., Hoyer, J., Lueken, U., & Beesdo-Baum, K. (2016). Psychophysiological reactivity during uncertainty and ambiguity processing in high and low wor-

- riers. *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*, 50, 97–105. <https://doi.org/10.1016/j.jbtep.2015.06.001>
- Kondrashikhina, O. A. (2015). Diagnostics tolerance for uncertainty: correlation between results of psychodiagnostic measurements. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya [Perspectives of Science and Education]*, 5(17), 83–87. https://pnojurnal.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/08/pdf_150514.pdf (in Russian)
- Kornilova, T. V., & Chumakova, M. A. (2014). Tolerance and intolerance of ambiguity in the modification of Budner's questionnaire. *Ekspperimental'naya Psikhologiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 7(1), 92–110. https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2014_n1/68181 (in Russian)
- Ladouceur, R., Gosselin, P., & Dugas, M. J. (2000). Experimental manipulation of intolerance of uncertainty: A study of a theoretical model of worry. *Behaviour Research and Therapy*, 38(9), 933–941. [https://doi.org/10.1016/S0005-7967\(99\)00133-3](https://doi.org/10.1016/S0005-7967(99)00133-3)
- Lukovitskaya, E. G. (1998). *Sotsial'no-psikhologicheskii smysl tolerantnosti k neopredelennosti* [The socio-psychological meaning of tolerance to uncertainty] [Unpublished doctoral dissertation]. Saint Petersburg State University, Russian Federation.
- Luthans, F., & Broad, J. D. (2022). Positive psychological capital to help combat the mental health fallout from the pandemic and VUCA environment. *Organizational Dynamics*, 51(2), Article 100817. <https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2020.100817>
- Ma, A., & Kay, A. C. (2017). Compensatory control and ambiguity intolerance. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 140, 46–61. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2017.04.001>
- Majid, A., & Pragasam, J. (1997). Interactions of intolerance of ambiguity and of contingent liability on auditor's avoidance of litigation. *Psychological Reports*, 81(3), 935–944. <https://doi.org/10.2466/pr0.1997.81.3.935>
- McLain, D. L., Kefallonitis, E., & Armani, K. (2015). Ambiguity tolerance in organizations: Definitional clarification and perspectives on future research. *Frontiers in Psychology*, 6, Article 344. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00344>
- McLain, D. L. (1993). The MSTAT-I: A new measure of an individual's tolerance for ambiguity. *Educational and Psychological Measurement*, 1(53), 183–189. <https://doi.org/10.1177/0013164493053001020>
- Noda, Y. (2020). Socioeconomical transformation and mental health impact by the COVID-19's ultimate VUCA era: Toward the New Normal, the New Japan, and the New World. *Asian Journal of Psychiatry*, 54, Article 102262. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102262>
- Norton, R. (1975) Measurement of ambiguity tolerance. *Journal of Personality Assessment*, 39, 607–619. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa3906_11
- Osin, E. N. (2010). *Faktornaya struktura russkoy versii shkal obshchey tolerantnosti k neopredelennosti D. Makleyna* [Factor structure of the Russian version of D. McLain's General Tolerance for Uncertainty Scales]. *Psikhologicheskaya Diagnostika*, 2, 65–86. <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/5ah3vuasrd/67229740.pdf>
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2020). Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: Psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring*

- Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 155(1), 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06> (in Russian)
- Parlapani, E., Holeva, V., Nikopoulou, V. A., Sereslis, K., Athanasiadou, M., Godosidis, A., Stephanou, T., & Diakogiannis, I. (2020). Intolerance of uncertainty and loneliness in older adults during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychiatry*, 11, Article 842. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2020.00842>
- Pedović, I., Ćirović, N., & Stošić, M. (2022). Towards a new operationalization of ambiguity intolerance: Short ambiguity intolerance scale (SAIS-7). *Current Psychology*, 42, 14834–14850. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-02612-8>
- Rosen, N. O., Ivanova, E., & Knäuper, B. (2014). Differentiating intolerance of uncertainty from three related but distinct constructs. *Anxiety, Stress & Coping*, 27(1), 55–73. <https://doi.org/10.1080/10615806.2013.815743>
- Sagioglou, C., & Forstmann, M. (2013) Activating Christian religious concepts increases intolerance of ambiguity and judgment certainty. *Journal of Experimental Social Psychology*, 49(5), 933–939. <https://doi.org/10.1016/j.jesp.2013.05.003>
- Sergeeva, A. S., Kirillov, B. A., & Dzhumagulova, A. F. (2016). Translation and adaptation of short five-factor personality questionnaire (TIPI-RU): convergent validity, internal consistency and test-retest reliability evaluation. *Ekspperimental'naya Psikhoklogiya [Experimental Psychology (Russia)]*, 9(3), 138–154. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2016090311> (in Russian)
- Strout, T. D., Hillen, M., Gutheil, C., Anderson, E., Hutchinson, R., Ward, H., Kay, H., Mills, G. J., & Han, P. K. J. (2018). Tolerance of uncertainty: A systematic review of health and healthcare-related outcomes. *Patient Education and Counseling*, 101(9), 1518–1537. <https://doi.org/10.1016/j.pec.2018.03.030>
- Trautmann, S. T., & Van De Kuilen, G. (2015). Ambiguity attitudes. In G. Keren & G. Wu (Eds.), *The Wiley Blackwell handbook of judgment and decision making* (Vol. 1, pp. 89–116). John Wiley & Sons Ltd. <https://doi.org/10.1002/9781118468333.ch3>
- Troise, C., Corvello, V., Ghobadian, A., & O'Regan, N. (2022). How can SMEs successfully navigate VUCA environment: The role of agility in the digital transformation era. *Technological Forecasting and Social Change*, 174, Article 121227. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121227>
- Zlobina, M. V., & Krasnoryadtseva, O. M. (2023a). Multidimensionality of psychological characteristics of the phenomenon “tolerance/intolerance to uncertainty”. *Sistemnaya Psikhologiya i Sotsiologiya*, 3(47), 32–44. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.47.3.3> (in Russian)
- Zlobina, M. V., & Krasnoryadtseva, O. M. (2023b). Ambiguity tolerance as a component of life self-fulfillment. *SibScript*, 25(5), 655–664. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-655-664> (in Russian)
- Zvolensky, M. J., Vujanovic, A. A., Bernstein, A., & Leyro, T. (2010). Distress tolerance: Theory, measurement, and relations to psychopathology. *Current Directions in Psychological Science*, 19(6), 406–410. <https://doi.org/10.1177/0963721410388642>

Приложение. SAIS-7 [Шкала нетерпимости к неоднозначности]

Instruction: «You need to evaluate the proposed statements on the scale of five points, where 1-complete disagreement with the statement, 3 - something in between, 5 - complete agreement with the statement» [Инструкция: «Вам необходимо оценить предложенные утверждения по пятибалльной шкале, где 1–полное несогласие с утверждением, 3 – нечто среднее, 5 – полное согласие с утверждением»].

№	Statements	
1.	I dislike questions which could be answered correctly in many different ways [Мне не нравятся вопросы, на которые можно ответить правильно разными способами].	1 2 3 4 5
2.	Poems with contradictions are annoying [Меня раздражают двусмысленные стихотворения].	1 2 3 4 5
3.	I like stories that have consistent characters [Мне нравятся рассказы, в которых герои действуют последовательно].	1 2 3 4 5
4.	Vague and impressionistic pictures really have little appeal for me [Мне не нравятся размытые, импрессионистские картины].	1 2 3 4 5
5.	I don't like to work on a problem unless there's a possibility of coming out with a clear-cut answer [Мне не нравится работать над задачей, если нет возможности прийти к точно определенному решению]	1 2 3 4 5
6.	It's annoying to listen to someone who cannot seem to make up his or her mind [Меня раздражают люди, которые никак не могут сделать выбор].	1 2 3 4 5
7.	I hate it when you can't solve a problem right away [Ненавижу, когда не получается решить проблему сразу].	1 2 3 4 5